

Альбертина Фомченко

**Портрет
в русской традиции**

Ф. М. Достоевский

Смею утверждать, что самая великая достопримечательность Новокузнецка—литературно-мемориальный музей им. Федора Михайловича Достоевского. Случайно заехав в этот город, я с грустью смотрела на современные дома-коробки, на металлургические гиганты, за изображение которых можно быстро попасть в Союз художников, и думала о том, что ничего вдохновляющего на творчество в этом городе нет и мне уготована гибель как художника.

И вдруг узнаю об этом доме-музее, в котором был сам Достоевский. Он ходил по этой земле, кузнецкой земле! Я нашла этот музей. Был теплый летний вечер. Меня приветливо встретили руководители музея Татьяна Ащеулова и Любовь Никонова. Познакомились, разговорились. И я получила предложение поработать для музея—написать портреты Федора Достоевского и Марии Исаевой. Это был первый мой музей, где теперь хранятся мои картины. Он помог мне открыть в себе такое, о чем я и не подозревала. Я художник-портретист, художник исторического портрета и портрета современника. Позднее появились другие музеи, в которых хранятся мои картины. Но этот первый.

Сотрудники музея, что называется, с первого взгляда, оказавшие мне доверие, вдохновили меня на работу своей любовью к святому делу сохранения наследия Достоевского для наших современников и будущих поколений.

Первый портрет «Достоевский. Воспоминание о кузнецком празднике» задуман как воспоминание уже немолодого Федора Михайловича о далеком Кузнецке, о свадьбе с Марией Исаевой. Зимний вечер. Они одни на фоне храма, где венчались, возле домика Исаевой.

Вторая картина «Прощение руки». Мария одна, рядом маленький сын. За окнами сибирский мороз. В морозных узорах вырисовывается образ Достоевского. Он и близко, и далеко. В письме, которое держит Мария, он просит ее руки.

Но самой нужной для музея была картина «Венчание Достоевского». Ведь именно здесь, в Кузнецке произошло одно из главных событий в жизни писателя, именно в честь этого события был и создан сам музей. Эта тема предлагалась многим художникам. Я тоже не сразу взялась за эту тему, так как не было необходимых материалов ни в музеях, ни в книгах о бытовых сторонах жизни Достоевского. А перечитала я много всяких публикаций. Так, во что же была одета знаменитая пара? В описаниях было только сказано, что Мария сама шила себе наряды, придумывала их фасоны. И мне тоже пришлось фантазировать, ориентируясь на время события.

А вот композиционное решение родилось без мук. Для художника-палешанина, хорошо знающего иконопись, ничего не стоит изобразить изнутри и снаружи храм, где происходило венчание. Палатное письмо в палехской миниатюре и иконописи как раз построено на таком соотношении: вид внутри и снаружи на одной композиции. Таким образом создается многоплановая композиция. И вот храм разделен пополам. В центре сам Достоевский с Марией Исаевой и священник Тюменцев. Невеста легкая, как бабочка, готовая улететь. На венчании присутствует группа людей. Второй план—действие на улице вокруг храма: тройки лошадей, которые привезли молодых и гостей, домик Исаевой, возле которого веселится народ, две монахини делятся впечатлениями о свадьбе.

Достоевский—писатель глубокий и сложный. Если бы не встреча с работниками его музея, не их доверие ко мне и искреннее участие, я бы никогда не рискнула взяться за эту тему. Работа меня так увлекла, что, закончив триптих, я не хотела поставить точку на самой теме. Продолжением ее стали

четыре композиции: три шкатулки и небольшая живописная картина.

Достоевский в лаковой миниатюре. Я не припомню ни одной такой, созданной даже в Палехе. Вот сказок Пушкина было исполнено предостаточно. Так что смею надеяться, что я стала первооткрывателем темы Достоевского в лаковой миниатюре. На шкатулках из папье-маше сделаны композиции «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот». И в традициях лаковой миниатюры выполнена небольшая живописная картина «Братья Карамазовы». Композиция делится на две части (я всегда придаю большое значение композиции—без нее нет художественного произведения): верхняя часть—монастырь Оптиной Пустынь, где часто бывал сам Достоевский, нижняя часть картины—старец Зосима в своей келье принимает братьев Карамазовых с отцом. Встреча полна внутреннего напряжения.

По ходу работы над темой «Достоевский» я прочитала его произведения, по сути дела, открывая для себя этого великого писателя. Ведь в годы моего ученичества он был исключен из школьных программ и интерес к нему, мягко говоря, не ощущался.

Исчерпав тему «Достоевский и Мария Исаева», я не захотела расставаться с музеем. Тем более, к тому времени созрела идея создания серии портретов писателей земли Кузнецкой от Достоевского до наших дней и знаменитых людей нашего края.

Эта работа захватила меня на несколько лет. Многих из моих героев я знаю лично, они мне очень дороги. Например, с Эдуардом Гольцманом меня связывает интересная творческая работа—иллюстрации к его книге стихов «Читалочка». На встречах с читателями я его представляю стихами моего собственного сочинения.

Живет в нашем городе Гольцман-поэт—
Другого такого в поэзии нет!

Как вишенки глазки и пуговкой носик,
Он в папке стихи свои детские носит.

И ночью, и днем он стихи сочиняет,
И все карапузы стихи его знают.

И вырастут добрые люди из них—
Поэт головой отвечает за них.

Давно уж поэту за шестьдесят.

Душой молодой он, моложе ребят.

Он может сосульки с крыши снимать

И языком, как конфету, лизать.

С котенком подброшенным музыку слушать,

Из блюдца с ним вместе еду его кушать,

Барбосу бездомному «Здравствуй!» сказать

И лапу собаке, как другу, пожать.

И мухе не даст он в стакане тонуть,

Жуку на дороге уступит он путь.

Так необычен этот поэт,

И скоро узнает о нем белый свет.

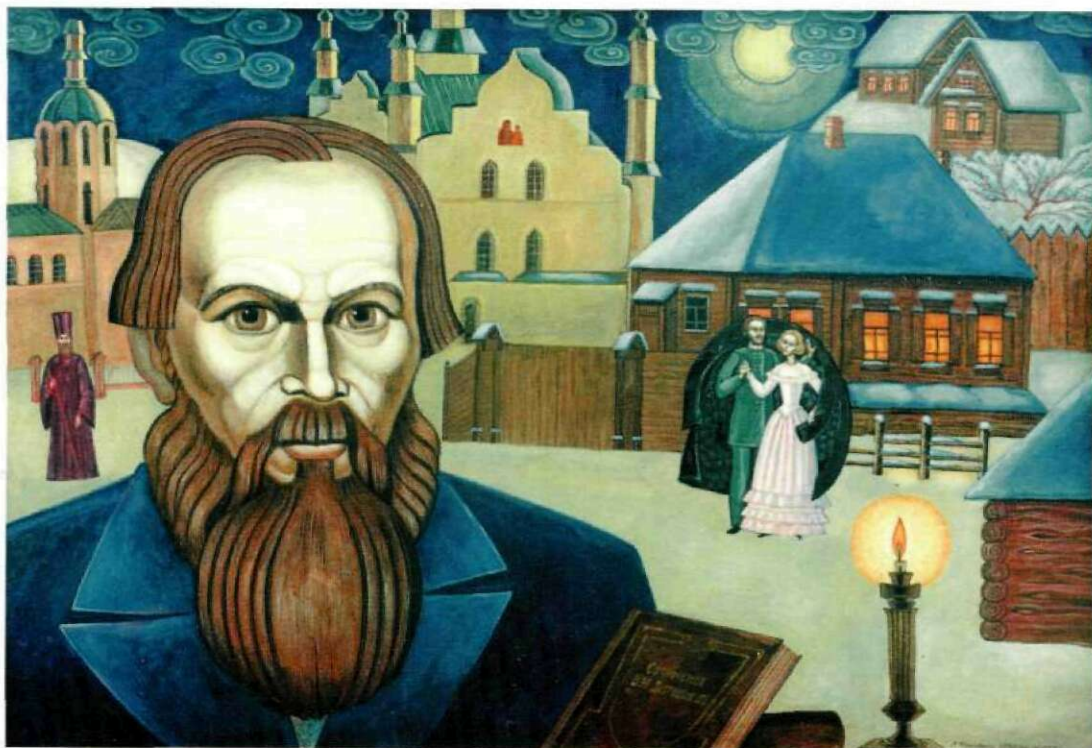
Для вас сочиняя, живет он на свете.

Одна из самых последних работ портретной серии—портрет художника Эдуарда Зеленина, творческий путь которого в России тоже не был усыпан розами. После печально знаменитой «бульдозерной» выставки художников-авангардистов в Москве Зеленин уехал во Францию, где и прожил остаток жизни, до конца дней своих тоскуя по России христианской. 15 апреля 2002 года он умер в Париже. Моя работа—стала прижизненной данью его памяти. Позу его на портрете, обрамление из икон и церквей я придумала сама. И, как оказалось, не ошиблась. Это отметили родственники художника, присутствовавшие на открытии моей выставки в Новокузнецком музее изобразительного искусства в 1999 году.

Венчание Ф.М. Достоевского с М.Д. Исаевой в Кузнецке.
1991 г., холст, темпера, 56,8 x 87,5, в собрании НЛММД.

«Прошу руки твоей».
1991 г., холст, темпера, 70 x 67, в собрании НЛММД.

Воспоминание о Кузнецке, о Марии Исаевой.
1991 г., холст, темпера, 59,9 x 85,5, в собрании НЛММД.

Карамазовы у старца Изосимы.
1996 г., холст, темпера, 35 x 49, в собрании НЛММД.